

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АНТОНИМОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ (на материале российских законов)

В статье рассматриваются особенности экспликации антонимичных (дихотомичных) отношений в текстах российских законов. Показывается взаимосвязь между антонимией и гипонимией, квазиантонимией и гетеронимией. Отмечаются основания сопоставления и противопоставления антонимов (широкая/узкая контекстуальность, первичность/вторичность, тип выражаемой семантики, наличие/отсутствие идентификационного признака и др.). Иллюстрируются особенности контрадикторных, конверсивных и контрарных отношений, альтернативных способов выражения семантики противопоставления с помощью скобок, союзов (сочетания союзов), порядка слов, синонимичных вариантов.

Ключевые слова: текст закона, юридический термин, дихотомия, антонимы, гипонимия.

Феномен противоположности играет одну из ведущих ролей в познании мира и операциях мышления. В текстах законов определение объема и содержания понятия на основе противопоставления правовых категорий осуществляется не реже, чем на основе отношений гипонимии (род : вид), гетеронимии (целое : часть целого) или синонимии. Вместе с тем вопросу использования антонимов в законодательных (и — шире — юридических) текстах в научно-лингвистическом дискурсе уделяется незначительное внимание. В порядке исключения назовем работы А. А. Денисовой о терминах общей теории права [1, с. 7–11], И. В. Мятченко о лексико-семантической аспектности метаязыка правоведения [2, с. 15–18], С. Е. Быковой о тезаурусном моделировании юридической терминологии [3, с. 5].

Целью настоящей статьи является восполнение имеющегося пробела и представление результатов исследования экспликации антонимичных (дихотомичных) категорий в текстах российских законов. В качестве основных методов и подходов применяются информационный поиск, контекстуальный, компонентный и сравнительный анализы. Антонимия в работе понимается в широком смысле: как тип семантических отношений понятий, выражающих противоположное значение.

В правовых дихотомиях совмещены противоречивость, при которой одно юридическое понятие имеет определенные черты, а другое их исключает, и соотносительность, при которой существование одного объекта предполагает существование другого: *преступление/наказание, истец/ответчик, право/обязанность, введение налога / отмена налога* и т. д.

Наряду с разнокорневыми антонимами (примеры приведены выше), в законах используются однокорневые антонимы, образуемые с помощью:

ON THE USE OF ANTONYMS IN LEGISLATIVE TEXTS (on the Example of Russian Laws)

The article discusses the features of the explication of antonymic (dichotomous) relations in the texts of Russian laws. The relationship between antonymy and hyponymy, quasiantonymy and heteronymy is shown. The bases of comparison and contrasting of antonyms (wide/narrow contextuality, primariness/secondariness, type of expressed semantics, presence/absence of an identification attribute, etc.) are noted. The features of counter-narrative, conversive and contrary relations, alternative ways of expressing the semantics of contrast using brackets, conjunctions (a combination of conjunctions), word order, synonymous variants are illustrated.

Keywords: text of the law, legal term, dichotomy, antonyms, hyponymy.

– присоединения приставок со значением «противопоставление по наличию/отсутствию признака», «противоположность тому, что названо мотивирующим словом» (*резидент/нерезидент, избрание/неизбрание, действие/бездействие, возмездный/безвозмездный, бюджетный/внебюджетный, информация/дезинформация, моральный/аморальный*);

– слияния или сложения слов (*вышестоящая/нижестоящая, террористический/антитеррористический, законный/противозаконный*).

Кроме этого, антонимичные отношения оформляются с помощью прибавления отрицательной частицы *не* (*убийца / не убийца, вещь / не вещь*) и смены значения объекта достижения цели на актантное значение непосредственного участия в действии (*имеет право^{Вин.п.} / не имеет права^{Род.п.}*).

Противопоставление понятий в одном контексте используется для разноаспектного описания моделируемой ситуации, эксплицируется с помощью скобок, союзов *или, либо* и предусматривает определенную последовательность указания антонимичных понятий. Примеры: *Временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия)** независимо от времени наступления последствий* [4, ст. 9]; *виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности* [4, ст. 24].

* При этом следует учитывать, что некоторые юридические понятия, образованные префиксальным способом, не имеют в современном русском языке антонимичной пары: *недоумка* (*доумка), *неустойка* (*устойка), *безвестное* (*вестное) *отсутствие*, *бесхозяйная* (*хозяйная) *вещь* и др.

** Здесь и далее выделено нами. — М. В.

Нередко образуемые дихотомии являются контекстуальными, а в качестве антонимичных могут выступать словосочетания и словесные комплексы: *предоставлять услуги безвозмездно или на льготных условиях* [5, ст. 40]; *последний день срока... приходится на выходной или нерабочий праздничный день* [6, ст. 4]; *наследники, которые могут призываться к наследованию / недостойные наследники* [7, ст. 116, 117].

Со ссылкой на [1, с. 7; 8, с. 63; 9, с. 298] отметим, что при совместном употреблении противопоставляемых понятий, наряду с антонимичными, транслируются гипонимичные (родовидовые) отношения. Такая семантическая корреляция возможна постольку, поскольку парные понятия соотносятся по принадлежности к общей для них категории (объекту, действию, свойству и т. д.), имеют в своей семантической структуре общий компонент, хотя и отличаются частными противоположными признаками.

Так, в приведенных выше примерах понятия *действие/бездействие* являются видовыми наименованиями поведения, отклоняющегося от нормы; характеристики *умышленно / по неосторожности, безвозмездно / на льготных условиях* обозначают видовую качественную характеристику образа действия; понятия *выходной день / нерабочий праздничный день* — видовые по отношению к категории «дни недели: рабочие/нерабочие»; наименования *наследники, которые могут призываться к наследованию* (≈ *достойные наследники*) / *недостойные наследники* (≈ *наследники, которые не могут призываться к наследованию*) обозначают противопоставляемые видовые типы общей категории наследников.

Обратим внимание, что отношение согипонимии между юридическими понятиями — антонимами может быть оформлено с помощью сочетания союзов *и (или)*, регулярно используемого в законодательных текстах, например: *организации отдыха детей и их оздоровления стационарного и (или) нестационарного типа* [10, ст. 1].

В текстах законов могут противопоставляться понятия, традиционно не рассматриваемые в отношениях антонимии, например: *причинение вреда жизни или здоровью* [11, ст. 64], *документы, содержащие личную и (или) семейную тайну* [12, преамбула], *рекламировать и (или) предлагать неограниченному кругу лиц ценные бумаги* [13, ст. 4]. Традиционно такие понятия сопоставляются с точки зрения взаимодополнения или тождественности либо включения объема и содержания одного понятия в объем и содержание другого. Полагаем, что своеобразные «квазиантонимичные» отношения формируются в результате рассмотрения одного из понятий в значении «целое», а другого — в значении «часть целого» (гетеронимия). Так, здоровье рассматривается в качестве неотъемлемого элемента жизни человека, к личной тайне может относиться семейная (и наоборот), реклама предполагает предложение товара. В подобных случаях противопоставление понятий детерминировано видовой общностью отношений гипонимии и гетеронимии.

В разных законах (но одном законодательном пространстве) встречаются правовые дихотомии, в которых одна из противопоставляемых позиций имеет альтернативные способы выражения, одни и те же (постоянные) синонимичные

варианты. Например: *оригиналы или заверенные в установленном порядке копии документов* [14, ст. 44]; *подлинник или засвидетельствованный в нотариальном порядке копия учредительного документа* [15, ст. 5]. В связи с данными примерами возникают вопросы о семантической идентичности вариантов, предпочтительности (частотности) того или иного варианта и основании его выбора для экспликации противопоставляемой позиции антонимичной пары.

Кроме того, противопоставление может быть не только явным, когда антонимичные понятия используются в одном контексте «вместе», в паре, но и подразумеваемым, например, если сфера применения юридического понятия и контекст ограничивают образование антонимичных отношений.

Так, в Трудовом кодексе РФ используются понятия *работник в возрасте до 18 лет, нормальная продолжительность рабочего времени* [16, ст. 91, 122], но отсутствуют противоположные понятия: **совершеннолетний работник, *работник в возрасте после 18 лет, *ненормальная продолжительность рабочего времени*. Между тем рефлексивное восприятие выраженных понятий предусматривает восполнение суппозиционной семантики за счет формирования необходимых имплицитных смыслов.

Наряду с указанными вопросами, не меньший интерес представляют иные аспекты анализа антонимов, употребляемых как в одном законе, так и в пространстве законодательных текстов.

В частности, антонимичные понятия — позиции правовых дихотомий — могут быть охарактеризованы по различным основаниям:

а) сопоставления:

– по широкой контекстуальности, распространению и значимости в законодательном пространстве в целом (*право/обязанность, законный/незаконный*) либо узкой контекстуальности, употреблению в отраслевых законах (*имущественные/неимущественные (права)*);

– последовательности возникновения, первичности/вторичности (*право → обязанность, преступление → наказание, совершение → отмена (завещания), заключение → расторжение (брака)*);

– типу выражаемой семантики: процессуально-обстоятельственной (*дозволение/запрещение*), качественной (*вменяемый/невменяемый*), количественной (*первоначальная/остаточная (стоимость)*), пространственной (*наличие/отсутствие*), временной (*своевременно/несвоевременно*);

– мере и степени проявления признака, осуществления действия (*прямые/косвенные улики, полная/неполная (семья), частичный/полный (отказ от иска)*);

– частеречной принадлежности: субстантивные (*явка/неявка*), адъективные (*кровный/некровный (родственник)*), глагольные (*создать/ликвидировать*), адвербиальные (*постоянно/временно*);

б) противопоставления:

– по соответствию или несоответствию правилам дискурса, правовой норме (*соблюдение/нарушение (закона), правомерные/неправомерные (действия)*);

– полярности состояний, действий, ситуаций (*принять/отклонить (протест), въезд в страну/выезд из страны*);

– конверсивности, рассмотрению одной ситуации с противоположных субъектных позиций (*взятодатель/взятополучатель, истец/ответчик, купля/продажа, выплата/получить (пособие)*);

– наличию или отсутствию идентификационного признака (*виновный/невиновный; ограничения/привилегии; преднамеренно/непреднамеренно*);

– положительной либо отрицательной оценке (*преступник/жертва, создание/уничтожение*).

С учетом сложившейся логико-лингвистической точки зрения [2, с. 9–11; 17, с. 37–44; и др.] антонимичные юридические понятия могут быть отнесены к конрадикторным, конверсивным или контрарным.

Контрадикторными являются правовые дихотомии, в которых одно понятие предполагает существование другого, связано с ним (*преступление/наказание, истец/ответчик, жертва/агрессор*) либо, напротив, исключает существование другого (*дееспособность/недееспособность, вменяемый/невменяемый, женатый/холостой, рабочий/выходной (день)*).

В результате сочетания антонимов второго типа (взаимоисключающих) образуются логически противоречивые понятия, выражающие диаметрально противоположные признаки (речевой прием оксюморона: *женатый холостяк, праздничные будни*). Такие примеры не свойственны текстам законов — за редкими исключениями, в которых противопоставление признаков образуется в связи с неудачным сочетанием понятий и возникающими ассоциациями. Например, составное понятие *приоритетные загрязняющие вещества* [18, ст. 3] не является контрадикторной дихотомией, однако вызывает устойчивую антонимичную ассоциацию, поскольку образовано на основе сочетания понятий, передающих противоположную оценочную семантику. Слово *приоритетный* выражает положительный смысл, синонимично словам и сочетаниям *главный, наиболее важный/значимый, имеющий первостепенное значение* (ср.: *приоритет прав и законных интересов человека и гражданина* [19, ст. 4]; *приоритет безопасности дорожного движения* [20, ст. 2]). Понятие «загрязняющие вещества» передает отрицательную семантику, поскольку означает вещества, которые оказывают негативное воздействие на здоровье и жизнь людей***.

Ю. Д. Апресян контрадикторные понятия относит к симметричным, отмечая их несочетаемость либо плохую сочетаемость с наречиями, выражающими большую или меньшую степень признака, ср.: **совсем женатый, *немного женатый, *абсолютно женатый* [22, с. 302–312]. Впрочем, используемые в разговорной речи сочетания, такие как *немного невменяемый* или *абсолютно невменяемый*, в текстах законов не употребляются.

К конверсивным относятся понятия, выражающие противоположно направленные действия или состояния субъ-

ектов юридического дискурса (*покупка/продажа, кредитор/заемщик*). Отражение явления конверсивности нередко можно найти в определениях юридических понятий. Например, исходя из Трудового кодекса РФ работником является «физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем», а работодателем — «физическое либо юридическое лицо (организация), вступившее в трудовые отношения с работником» [16, ст. 20].

Контрарная противоположность предполагает возможность трансформации дихотомии в трех- и более градуальный ряд понятий с нарастанием/убыванием меры и степени проявления признака, т. е., по сути, смену оппозиционных отношений ступенчато-дифференцированными. При этом изменяемые компоненты, выполняющие роль семантических градуаторов, выражают оценочно-определятельную семантику и не связаны с переходом одной нормативной противоположности в другую. В качестве примера приведем категории преступлений, выделяемые в зависимости от «характера и степени общественной опасности» в Уголовном кодексе РФ: *преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления, особо тяжкие преступления* [4, ст. 15].

К контрарному типу могут быть отнесены ряды терминов, выражающие значения исчисления / кратности осуществления действия и образуемые по моделям: «один — много» (*одномандатный округ / многомандатный округ*); «один раз — неоднократно» (*однократное/неоднократное (исполнение)*); *однократное/многократное (применение)*); «один — два — ... — много» (*односторонняя/двусторонняя/трехсторонняя/многосторонняя (сделка)*).

Особый интерес представляет противопоставление понятий, которые в градуальном ряду занимают не противоположные, а соположенные позиции. Такие сочетания образованы на основе триады, один из ключевых компонентов которой, обозначающий крайнюю степень проявления признака, в тексте закона не выражен, но подразумевается. Как правило, при указании соположенных понятий соблюдается инверсионный порядок: сначала приводится понятие, выражающее максимальную степень проявления признака, затем — понятие, отражающее среднюю степень проявления признака, его «смягченный» вариант. Сравните: *неисполнение или ненадлежащее исполнение закона (исполнение — ненадлежащее исполнение — неисполнение)*; *лишение или ограничение прав (наделение — ограничение — лишение)*.

Резюмируя, добавим следующее. Рассмотрение антонимии юридических понятий во взаимосвязи с иными лексико-семантическими отношениями (гипонимией, гетеронимией, синонимией и др.) представляется перспективным направлением исследования текстов российских законов. Согласимся с С. Е. Быковой в том, что данные отношения в совокупности связывают юридические понятия в единую «семиотическую терминосистему» [3, с. 15] и выступают равнозначными инструментами моделирования юридического дискурса и стереотипности его интерпретации.

Заслуживает внимания соотношение однокорневых и разнокорневых антонимов, регулятивная, унифицирующая и прагматическая функции, способы образования

*** Отметим, что на отсутствие согласования между компонентами указанного понятия обращалось внимание на этапе законопроектной работы (см. заключение правового управления аппарата Госдумы на проект федерального закона № 717365-7 (первое чтение) [21]). Несмотря на замечание, понятие было сохранено в первоначальном виде.

квазиантонимов, вариативность трансляции антонимичных отношений. Полагаем продуктивным дальнейшее исследование контрадикторной, контрарной и конверсивной дихотомий, преобладания того или иного типа антонимичных отношений в законодательных текстах. Результаты данных исследований могут быть использованы в научно-педагогической, лексикографической, законотворческой и судебной практиках.

1. Денисова А. А. Семантика терминов общей теории права (парадигматический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 18 с.

2. Мятченко И. В. Лексико-семантическая аспектность метаязыка правоведения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 19 с.

3. Быкова С. Е. Тезаурусное моделирование юридической терминологии (на материале французского языка в сопоставлении с русским) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 20 с.

4. Уголовный кодекс РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 4 нояб. 2019 г.) // Рос. газ. 2001. 22 дек.

5. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 29 мая 2019 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» // Рос. газ. 2002. 15 июня.

6. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 208-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «О консолидированной финансовой отчетности» // Рос. газ. 2010. 30 июля.

7. Гражданский кодекс РФ (ч. III) от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 18 марта 2019 г.) // Рос. газ. 2001. 28 нояб.

8. Лаврова Н. А. К вопросу об определении антонимии и о типологической классификации антонимов // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2017. № 7 (779). С. 62–71.

9. Моисеева Е. М. Принципы выделения антонимических оппозиций // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 1–2 (23–24). С. 297–304.

10. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 16 окт. 2019 г.) «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» // Рос. газ. 1998. 5 авг.

11. Гражданский кодекс РФ (ч. I) от 30 янв. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 19 июля 2019 г.) // Рос. газ. 1994. 8 дек.

12. Федеральный закон от 29 дек. 1994 г. № 77-ФЗ (ред. от 03 июля 2016 г.) «Об обязательном экземпляре документов» // Рос. газ. 1995. 17 янв.

13. Федеральный закон от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ (ред. от 03 июля 2016 г.) «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // Рос. газ. 1999. 11 марта.

14. Федеральный закон от 29 дек. 2015 г. № 382-ФЗ (ред. от 27 дек. 2018 г.) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ» // Рос. газ. 2015. 31 дек.

15. Федеральный закон от 8 авг. 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 26 нояб. 2019 г.) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Рос. газ. 2001. 10 авг.

16. Трудовой кодекс РФ от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 2 дек. 2019 г.) // Рос. газ. 2001. 31 дек.

17. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. М. : Проспект, 2008. 240 с.

18. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части снижения загрязнения атмосферного воздуха» // Рос. газ. 2019. 31 июля.

19. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» // Рос. газ. 2016. 28 июня.

20. Федеральный закон от 29 дек. 2017 г. № 443-ФЗ (ред. от 15 апр. 2019 г.) «Об организации дорожного движения в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // Рос. газ. (спец. вып.). 2017. 31 дек.

21. Заключение правового управления аппарата Государственной Думы на проект федерального закона № 717365-7 (первое чтение) // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/717365-7> (дата обращения: 22.12.2019).

22. Апресян Ю. Д. Избр. тр. : в 2 т. Т. 1. Лексическая семантика. М. : Вост. лит., 1995. 472 с.

© Батюшкина М. В., 2020